

Кристаллы
МОЕЙ

АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА

Александра Салиева
Притворись моей

«Александра Салиева»

2020

Салиева А.

Притворись моей / А. Салиева — «Александра Салиева», 2020

«Станешь моей любовницей. И родишь мне сына. Потом – свободна. Мы в расчёте». В первую секунду я решаю, что ослышалась. Во вторую, что он спятил. А в третью – невольно задумываюсь над его дорогостоящим предложением. Почему? Да просто это мой последний шанс...

© Салиева А., 2020

© Александра Салиева, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Салиева

Притворись моей

Глава 1

– На этот раз он тебя точно уволит! – доносится из трубки ровно в ту секунду, когда я подворачиваю ногу.

Лодыжку пронзает острая боль. Я едва не сваливаюсь в лужу, лишь чудом удаётся удержать равновесие.

– Не уволит! – отзываюсь с глухим стоном, опираясь ладонью на кирпичную стену, замирая, пережидая, когда боль станет более терпимой. – У меня есть ещё семь минут, я успею! – добавляю, немного погодя, скосившись на свои наручные часы.

В городе, как всегда, жуткие пробки, поэтому приходится бросить свою машину на первом попавшемся свободном парковочном месте и идти пешком, тем более, до моей работы остаётся всего-ничего, если сократить переулком, который я пересекаю, так что действительно должна успеть.

– Хорошо бы, а то Быков уже пять раз спрашивал, пришла ли ты, или снова опаздываешь, – тоскливо вздыхает собеседница. – Зря ты его вчера так грубо отшила. Ну, поужинали бы вместе, потом построила бы святую невинность, объяснила бы, что до свадьбы «ни-ни», потому что мама так воспитала, убыло бы от тебя что ли? Нет ничего хуже обиженного отказом мужа, ему теперь только повод дай, чтобы отыграться...

Боль в лодыжке немного утихает, я возобновляю шаг, а шум проносившихся мимо автомобилей глушит дальнейшие причитания Лизы.

– Ладно, всё. Скоро буду, – прощаюсь с ней и отключаю вызов, сверяясь с обозначенным на экране гаджета временем, заворачивая за угол.

Остаётся шесть минут до начала рабочего дня, а под ноги попадает новая лужа. Я замечаю её слишком поздно, переведя внимание от телефона к асфальту. Как и темноволосого мужчину, идущего навстречу. И всё бы ничего, но, прежде чем врезаться в него на полном ходу, сперва с ним сталкивается стакан с кофе в моей левой руке. Горячий американо расплёскивается одновременно на чужую белую футболку, мою ладонь и блузку, после чего падает в лужу, напоследок оставляя коричневые брызги на моих замшевых туфлях, а также на мужских ботинках.

– Ай!

– Бл*дь!

Пальцы нестерпимо жжёт, так бы и встряхнула ими хотя бы пару раз, чтобы избавиться от болезненного ощущения, но на деле я банально вздрагиваю и притихаю, стараюсь лишний раз не шевелиться, опасливо поднимая взгляд на жертву своей неосторожности. Пятно на его футболке продолжает подлю расплзаться, а низкий чуть хриплый баритон отражается в моей голове громогласным эхом, предвещающим апокалипсис. Золотисто-карий взор полон гнева и негодования, я замечаю, как дёргается его кадык, и чувствую себя виноватой уже не только в том, что облила незнакомца, но и во всех остальных грехах сразу, инстинктивно пятясь от взбешённого мужчины подальше.

– Прости... – «те» застревает в горле, потому что моё отступление грубо остановлено.

Тяжёлая ладонь придавливает за плечо, сжимает крепко, не оставляя ни шанса на то, чтобы вырваться.

– Совсем не смотришь, куда идёшь? – отчеканивает он ледяным тоном, пытливо разглядывая меня с головы до ног.

Я бы не удивилась, если бы в этот тёплый осенний день все лужи вокруг нас в раз застыли. Лично у меня моментально поползли морозные мурашки по позвоночнику.

– Я вас не заметила, – сознаюсь.

Я почти готова заново извиниться и даже предложить оплатить чистку его явно дорогостоящей одежды, но...

– Как можно не заметить целого человека? – злобно прищуривается стоящий напротив.

И тут я вспоминаю, что давно опаздываю, а кое-кто мог бы быть повежливее, да и в пострадавших – не он один.

– Вот именно, – бросаю встречно. – Как можно не заметить целого человека? – вздёргиваю подбородок выше, убираю телефон в задний карман джинс, после чего демонстративно стряхиваю с себя брызги от американо. – Сам-то тоже хоть немножечко смотри, куда идёшь! – заканчиваю в обвинении.

Как говорится, лучшая защита – нападение. Впрочем, не я одна, похоже, придерживаюсь подобного мнения, потому что незнакомец злится заметнее, его ладонь на моём плече сжимается сильнее, он снова прищуривается, глядя на меня на этот раз, как на какую-нибудь мерзость.

– Я и смотрел, – ухмыляется брезгливо. – Но ты настолько мелкая, что так сразу и не заметишь. Тем более, вылетела из-за угла, как ошпаренная. За тобой черти гонятся что ли? – показательно смотрит куда-то за мою спину, словно там, неподалёку десяток нечисти взял передышку после нашего с ними совместного кросса.

Соблазн обернуться и удостовериться в своих догадках я перебарываю с превеликим трудом. Тоже злюсь.

– Это я-то мелкая? – возмущаюсь, запрокидывая голову ещё больше, а то мужчина и правда возвышается надо мной аж на две головы, хочешь – не хочешь, а в любом случае ощутишь себя лилипутиком. – Тоже мне, Гулливер недоделанный, – фыркаю в максимальном презрении. – Так тебе и надо! – взмахиваю рукой, указывая на его испорченный прикид. – Скажи спасибо, что половину я уже выпила, не то б не только футболка пострадала! – завершаю злобно, шагнув в сторону, намереваясь обойти хама и воспользоваться последним жалким шансом успеть прийти на работу вовремя.

Не тут-то было.

– Что-то-о?! – моментально реагирует «недоделанный Гулливер», перехватывая за руку, останавливая, резко разворачивая, дёргая ближе к себе. – А ну повтори!

Ничего повторять для него, разумеется, я не собираюсь.

– Ты маньяк что ли?! – срываюсь на него на повышенных тонах, выворачиваясь в попытке избавиться от чужой хватки. – Руки убери! – заново тяну захваченную в плен конечность.

Вторая попытка вернуть себе руку обратно в единоличное пользование заканчивается тем же фиаско. Слишком крепкая хватка у незнакомца. Но это ещё ничего. Дальше он наглеет куда больше.

– А не то что? – ехидничает в ответ.

Что-что...

Для начала набираю в лёгкие побольше воздуха.

А потом...

– Кто-нибудь! Помогите!.. – «те» вот уже дважды застревает в моём горле.

Мой крик с призывом о помощи обрывается наряду с лёгким ударом спиной о кирпичную кладку здания, за угол которого мужчина меня затаскивает, зажав рот ладонью. Мои глаза сами собой расширяются от ужаса осознания происходящего. Я мычу, снова пытаюсь вырваться, освободиться. Но незнакомец неумолимо прижимает к стене.

– Не ори, – проговаривает на удивление тихо и спокойно, хотя и звучит довольно властно, почти приказом.

Замираю. Ненадолго. Теперь не брыкаюсь, но опять мычу ему в ответ, в просьбе отпустить. Как по мне, выходит совсем неразборчиво, однако он всё прекрасно понимает. На его губах расплзается понимающая ухмылка.

– Я отпущу, если пообещаешь больше не кричать. Не насилую же я тебя в самом деле, – сообщает миролюбиво.

Раздумываю лишь секунду. Охотливо киваю. Но незнакомец мне почему-то не верит. Подозрительно прищуривается, разглядывая моё лицо.

– Всё равно ведь будешь кричать, да?

Именно так я и собираюсь поступить, после того, как возможность проявить всю громкость моих голосовых связок появится, в чём конечно же, не сознаюсь, так что не сказать, будто конкретно по этой части он не прав.

– Заорёшь снова, не дай бог кто-нибудь реально прибежит, решит, что я в самом деле маньяк и пристаю к тебе... – вздыхает мужчина.

Не отвечаю, не мычу. Лишь выразительно смотрю на него с мыслью: «А это как тогда называется? Если типа не пристаёшь?!».

Мысль остаётся при мне. А он флегматично продолжает:

– Потом этот кто-нибудь, как последний debil, помчится тебя от меня спасать, – качает головой в мнимом расстройстве. – И тогда мне придётся ему что-нибудь сломать, чтоб не лез не в свои дела... – повторно вздыхает. – Вот оно мне надо?

Тут становится интересно: он реально ждёт от меня ответа? Руку с моего рта так и не убирает. Точно маньяк!

Впрочем, замолкает он тоже ненадолго:

– Потом мне придётся тебя не просто утащить в подворотню, а закрыть в багажнике и увезти с собой, чтоб не оставлять никаких свидетелей, – становится мне ошеломляющем откровением, от которого мои глаза расширяются больше прежнего. – Вот тебе оно самой-то надо?

Торопливо машу головой в отрицании. Незнакомец заново ухмыляется в понимании. Но всё равно не отпускает.

– И что тогда будем делать? – интересуется в довершение.

Кажется, банально издевается надо мной. Но прямо здесь и сейчас меня это не особо интересует. Память возвращается к тому моменту, где брUNET обещает кому-нибудь что-нибудь сломать, а моё внимание само собой приковывает к его лицу, сосредотачиваясь на небольшой горбинке на носу. Когда-то был сломан. Хотя это всё равно не портит черты мужского лица. Наоборот. И небольшой шрам под левой бровью – тоже. Должно быть их обладатель и правда частенько дерётся. Но почему-то уверена, так или иначе, всё равно всегда выходит победителем. Такие, как он, просто-напросто не умеют проигрывать. Ни в чём. Собственно, именно поэтому:

– М-мм... – в очередной раз мычу, показательно-страдальчески уставившись на свои наручные часы.

Всё-таки я опоздала!

Но кого это волнует?

Точно не того, кто меня удерживает.

– Что? Вспомнила, куда бежала? – тошнотворно ласково интересуется кареглазый, правильно расценив мои жертвенные взгляды.

Усиленно киваю. И снова смотрю на часы. Сперва на часы, потом – на него, и опять на часы. Не забываю при всём при этом изобразить как можно больше искреннего страдания и раскаяния.

– А нечего грубить первому встречному, – поучительным тоном отзывается мой пленитель, слегка отстраняется и заинтересованно разглядывает меня с головы до ног, пока я при-

кидываю, с какой силой необходимо двинуть этому хаму, чтоб наверняка загнулся и ему стало не до меня. – Так что решила, Дюймовочка? – добавляет, немного погодя. – Я убираю руку, а ты не кричишь, – тут я повторно киваю, да с такой радостью, будто мне только что предложили должность моего шефа с его последующим позорным увольнением, а не просто отпустить, – или же вариант с багажником тебе нравится больше?

Последний вариант мне точно не по душе, так что своё невербальное согласие я заменяю на не менее страстное отрицание. Аж в глазах темнеет от такого энтузиазма. Хотя незнакомца это не особо прониимает. Он в очередной раз прищуривается, чуть склонив голову влево, как бы взвешивая, поверить мне или же нет.

– М-мм... – всё, что я могу добавить.

Ах, да, и ещё парочку жалостливых взглядов!

– Хорошо, – не сразу, но всё же идёт на мировую брютет. – Но, как только я тебя отпущу, ты попросишь прощения и признаешь, что была не права.

Мои глаза снова округляются. В неподдельном негодовании.

С чего бы это я перед ним вновь извинялась?

Если он и первой моей попытки оно не оценил!

И... зря я свою мимику плохо проконтролировала.

– То есть, извиняться не станешь? – угадывает ход моих мыслей мужчина, а на его губах расплзается до того довольная улыбка, что мне моментально становится не по себе.

Вот точно вспоминает про багажник, в котором увезёт в тёмный-тёмный лес, где меня больше никто и никогда не найдёт!

Понуро вздыхаю. Ведь стану. Ещё как стану. А то, чувствую, мы тут проторчим до самой ночи. Сразу же видно, что передо мной – не только наглый хам, но и принципиальный баран, который упорно будет стоять на своём до самого конца.

– То-то же, Дюймовочка, – снисходительно ухмыляется он, медлит ещё чуть-чуть, после чего его хватка на моём лице слабеет.

Нет, полностью ладонь не убирает, но возможность говорить возвращается. Кто знает, каких усилий мне стоит в этот момент не послать этого принципиального барана пешим эротическим, желательнo самым дальним, а вспомнить о том, что выгоднее наступить на собственную гордость и немножечко притвориться послушной, лишь бы избавиться от грубияна с маниакальными повадками, а потом вернуться к своим делам.

– Я была не права, – вру без малейшего зазрения совести, раз уж так надо. – Мне очень жаль. Я не собиралась вам грубить, как и обливать вас кофе, просто... так вышло. Прошу прощения, – заверяю и шумно выдыхаю, едва свобода передвижения ко мне окончательно возвращается.

Тут же вдыхаю глубоко-глубоко, прикрывая глаза, стараясь успокоить своё учащённое сердцебиение. А то колотится в груди, словно вот-вот проломит грудную клетку. Так и не отлепляюсь от стены. Наоборот, самостоятельно прислоняюсь к ней. Торопиться уже некуда. Всё равно опоздала. Ещё пара минут погоды не сделают. А вернуть себе спокойствие совершенно точно стоит. Мне же теперь предстоит выслушивать и выслушивать... К тому же, стоит открыть глаза, как оказывается, что в переулке я давно одна.

Глава 2

– ... и х*р тебе, а не отпускные! Уволю по статье, тебя потом ни одна приличная фирма не возьмёт даже уборщицей, дурёха неблагодарная! – отчитывает меня Быков, едва я являюсь в его кабинет.

Сеанс «какая же моя секретарша – идиотка» длится не меньше десяти минут. В это время я стойко изображаю покаяние, про себя тихонько радуясь тому факту, что накануне вечером оставила на рабочем месте пиджак, который в данный момент прикрывает пятна от пролитого американо, а то бы отхватила ещё и за свой неопрятный вид. Вообще, мне иногда кажется, будто шеф предварительно репетирует перед зеркалом, тренируя своё красноречие по части того, насколько я бездарна и никчёмна. Каждый раз слышу о себе что-нибудь новое. И каждый раз терпеливо молчу о том, что работаю на него по десять-двенадцать часов в сутки, вместо оплачиваемых восьми, без лишних пререканий исполняя любую его прихоть... за исключением одной-единственной, в которой и заключается наша с ним реальная проблема. Не хочу я становиться его любовницей. Он – не желает мириться с этим фактом. А при любом моём малейшем промахе Виталий Леонидович пользуется шансом напомнить о том, насколько важно «проявлять лояльность к своему боссу», не то мне грозит возможность вылететь с работы.

– Ладно, – наконец, заканчивает третировать меня Быков. – Вечером что делаешь? – спрашивает, но ответа не ждёт. – У меня запланирована важная встреча на десять, в «Орионе», надо, чтоб ты всё записала. И оденься поприличнее, – озвучивает непреклонным распоряжением, всё же затронув мою внешность. – Что ты как не девушка, в самом деле? Где нарядное платье, чулки, изящные босоножки? – вопросительно выгибает бровь. – Обрядилась, как канцелярская крыса, – брезгливо морщится. – Тоску смертную нагоняешь своим видом, ей-богу, – заканчивает в мнимом расстройстве.

Молчу. Лишь закатываю глаза. Да и то в своих мыслях. Прекрасно знаю, никакой рабочей встречи у него в ресторане «Орион» не может быть, тем более, в такое позднее время. Всё же именно я отвечаю за его расписание. Благо, никаких комментариев от меня не требуется. Мужчина лениво взмахивает рукой в сторону двери, негласно веля возвращаться на своё рабочее место.

– До обеда никого не принимать. Отмени всех. Не до них мне сегодня, – бросает напоследок, пока я смиренно оставляю начальство в одиночестве.

– Хорошо, Виталий Леонидович, – киваю, прежде чем выйти в приёмную.

Небольшое помещение с панорамной стеной разделено на две зоны: правая сторона принадлежит секретарю финансового директора, вторая – моя территория, как секретаря исполнительного директора.

– Уволил? – затаив дыхание, интересуется Лиза, едва я оказываюсь на своём рабочем месте.

– Нет, – тяжело вздыхаю, грешным делом задумавшись о том, чтоб лучше уж реально уволил, чем то, что есть. – Как всегда, просто наорал.

Приступ уныния длится недолго. Тряхнув головой, я заставляю себя сконцентрироваться на разборе бумажной почты, покоящейся на краю стола. Но для собеседницы наш разговор не исчерпан.

– И чего тогда расстроилась? – не унимается девушка.

– Снова тащит в ресторан. На этот раз под предлогом деловой встречи, – говорю, как есть, сортируя письма в несколько стопок, в зависимости от содержания. – Сегодня. В десять.

На Лизу не смотрю, но и так ощущаю её сочувствующий взгляд. Всё же у Быкова в нашей компании мало «поклонниц». И дело даже не в том, что мой пятидесятилетний шеф весит

два центнера, носит толстые стекла на переносице из-за своей близорукости, да и вообще по всем внешним параметрам далёк от идеала мужской красоты. Характер у него поганый. В нашей компании, должно быть, не осталось ни одного человека, которого он бы ни оскорбил, притом, не обязательно за дело. Если у Виталия Леонидовича плохое настроение – это уже повод оторваться на первом попавшемся под горячую руку... рукоприкладством Быков, к слову, тоже не чурается.

– И что делать будешь? – тем временем осторожно интересуется секретарь финансового директора.

Если честно, я об этом ещё не думала. Хотя...

– Ничего. Не пойду, – пожимаю плечами.

– А он об этом знает?

– Я похожа на мазохистку? Скажу ему после обеда, когда он станет чуточку добрее. Вечером, в девять надо будет подавать лекарства маме, так что мне совсем не до хождения по ресторанам.

– Как будто кроме тебя больше некому их подать, – скептически хмыкает Лиза, умолкает ненадолго, а через небольшую паузу добавляет серьёзным тоном: – Нужен более веский повод. А то на этот раз точно уволит. Или что ещё похуже придумает.

Та часть меня, что давно мечтает избавиться от надоедливого начальства, в моём воображении опять пожимает плечами в полнейшем безразличии. Но другая – та, что отчаянно нуждается в заработке, принимается соображать, какой предлог действительно подошёл бы лучше и выглядел бы более весомым. Как назло, ничего дельного в голову не приходит.

– Например, какой повод? – быстренько сдаюсь.

Лиза тоже задумывается. Но, в отличие от меня, размышляет недолго.

– Скажи, что сестра сломала руку! – восклицает она и тут же прикусывает язык, опасливо скосившись на дверь, за которой находится Быков, пока я в удивлении смотрю на неё. – Нет, ну а что? Повод же должен быть действительно веский, сама знаешь, – оправдывает степень крайности своей задумки. – А ещё лучше ногу! И не может сама добраться до травмпункта, – понижает голос, заново призадумывается. – Или скажи, что у тебя квартиру ограбили, случился пожар, потоп, взорвалось отопление... – перечисляет самозабвенным тоном.

– Поэтому нарядного платья у меня нет и никуда пойти с ним я не могу? – хихикаю я в ответ.

– Как вариант, ага, – тоже улыбается Лиза. – Но тогда он сперва потащит тебя по магазинам, а потом предъявит тебе счёт за покупку. И не факт, что денежный, – усмехается многозначительно, пристально разглядывая меня. – Слушай, а обзаведись ты уже парнем. Желательно, качком каким-нибудь, поздоровее, – предлагает новый вариант решения моей проблемы. – Тогда сразу понятно будет, что ему ничего не светит, как бы ни старался!

– А если и тогда не отстанет? – бросаю встречно, всё же Быков сам не отличается понятием верности своей «любимой». – И потом мне сразу с двумя мучайся, да? – передёргиваю плечами.

– Ну, не зна-аю, – не соглашается со мной девушка. – Парень – на то он и парень, чтоб радовал, а не мучил. Тем более, если он будет весь такой высокий, сильный – за таким, как за каменной стеной... – протягивает, откинувшись на спинке кресла, зажмурившись с довольным видом.

– Угу, я одного высокого и сильного сегодня уже встретила, – ворчу встречно. – Только у нас с ним стена не каменная, а кирпичная... – добавляю, прежде чем осознаю, что зря завожу эту тему.

Лиза садится прямее, вперила в меня хищный взгляд.

– Где встретила? Как зовут? Я его знаю? Ты ему хоть номер свой дала? А его номер взяла? Когда встретитесь снова? – моментально закидывает меня вопросами.

Уныло вздыхаю и расстёгиваю пуговицу на пиджаке, демонстрируя кофейные пятна на своей блузке.

– Понятия не имею, как зовут этого придурка, – качаю головой. – Мы с ним тут, – машу рукой в ориентировочном направлении указываемого места, – на углу столкнулись. Кофе разлила, – жалуюсь, не скрывая своего негодования.

– И всё? – разочарованно вздыхает Лиза.

– А должно быть что-то ещё? – усмехаюсь я.

Явно же уже напредставляла себе всего и больше. Неспроста страдальчески закатывает глаза, после чего хмурится, одаривая меня строгим взором, как только слышит мой ответ.

– Слушай, Демидова, ты таким макаром точно останешься старой девой, – проговаривает наставительным тоном. – Извинилась бы, предложила бы ему в качестве возмещения ущерба ещё один кофе, обменялись бы телефонами, снова встретились бы потом... – замолкает и требовательно смотрит, будто я прямо сейчас должна сделать всё озвученное, хотя выдерживает паузу лишь несколько секунд, после чего спохватывается: – Страшный что ли?

Настаёт моя очередь закатывать глаза.

– С чего бы я ему предлагала ещё один кофе, если пострадал *мой* американо? – ворчливо предъявляю аргументом. – А потом этот хам обозвал меня мелкой и припёр к стенке, заткнув мне рот? – сокращаю наше общение с незнакомцем.

То, что я оробела, как сопливая девица, от одного его грозного вида, я оставляю при себе. В этом сознаваться категорически не хочется. К тому же, Лизу интересуют совершенно другие подробности:

– То есть, не такой уж и страшный? – на свой лад интерпретирует мои слова с многозначительной усмешкой. – К стенке припёр, рот заткнул... Чем ещё занимались? Ты так и не сказала, как его зовут, – напоминает.

– Да не знаю я, как его зовут! – отмахиваюсь, вспоминая о том, что надо бы не о всяких первых встречных брюнетах разговаривать, а исполнять свои служебные обязанности. – И знать не хочу! – заявляю категорично.

Не менее категорично утыкаюсь в письма. Правда, это не особо помогает избавиться от воспоминаний о том, чьё имя меня вроде как абсолютно не интересует. Золотисто-карий высокомерный взор с толикой насмешки преследует моё воображение до самого обеда. И особенно остро в тот момент, когда я узнаю, что этим утром у моего шефа, пока я опаздывала на работу, были «особые клиенты», которые прибыли аж из Нью-Йорка, чтобы этим вечером подписать контракт на много-нулевую сумму, поэтому тащиться этим вечером в ресторан с шефом всё же придётся – работа обязывает.

И кто знает, чем закончится этот вечер, когда иностранцы завершат свою сделку, после чего покинут нас...

– Будешь умницей и красавицей, я тебя не только отвезу домой, но и выпишу премиальные из личного бюджета, – сообщает Виталий Леонидович, когда я захожу к нему, чтобы узнать, какие пожелания у него будут насчёт обеда, потому что он всегда пользуется услугами доставки, не покидая свой офис вплоть до самого вечера. – Надеюсь, мы друг друга достаточно хорошо поняли, Варвара Андреевна? – вопросительно пялится на меня, пройдясь масляным взглядом с головы до ног и обратно, задерживаясь в районе бёдер. – Тебе очень подойдут чёрные чулки.

– У меня нет чулков, – заявляю с самым невозмутимым видом. – Они неудобные. Я их не ношу, – добавляю, чтоб ему не стукнуло в голову их мне приобрести.

Так и хочется прибавить, что в моём гардеробе имеются исключительно старческие панталоны старопамятных времён советского союза, в котором нет и быть не может никакого секса, но этот комментарий я оставляю при себе.

– Плохо, очень плохо, Варвара Андреевна, – нарочито официально тоном проговаривает Быков. – С таким подходом ты по карьерной лестнице никогда не продвнешься.

– С учётом того, что моё высшее экономическое – неоконченное, продвижение по карьерной лестнице мне и так не светит, – отзываюсь всё также невозмутимо.

Шеф понимающе ухмыляется.

– Но ты вполне могла бы завершить учёбу. Если бы захотела.

– Так вы же сами мне сказали, что вам не нужен секретарь на заочном, – припоминаю ему его же слова.

Он их, вероятно, тоже помнит, потому что улыбается в ответ. Да с такой хитринкой, валяжно откидываясь на спинку своего кресла, что я моментально сожалею о своей болтливости.

– Ну, зачем же так сразу столь категорично, Варвара Андреевна? – протягивает с мурлыкающими нотками мужчина. – Тогда сказал, да. Но ведь мир так переменчив! Я вполне могу изменить своё решение, если на то будут веские основания.

Знаю я эти его «веские основания». Но упорно молчу о них.

– Всё зависит только от твоего желания, Варвара, – уже без «Андреевна» продолжает начальник. – Я всегда иду навстречу тем своим сотрудникам, которые этого действительно заслуживают... – теперь улыбается до того довольно, словно кот, объевшийся сметаны. – Но ты, Варенька, всё никак не хочешь меня понять, – вздыхает он напоказ грустно, хотя улыбочка так и не сходит с его физиономии. – Дресс-код вот, например, не соблюдаешь...

Ни в одном пункте устава предприятия нет требования носить злополучные чулки, на которых его в последнее время особенно клинит. А вот пиджак, который ему не нравится, – как раз есть. Но я игнорирую и этот намёк, быстренько сворачивая тему бесполезного разговора.

– Так что вы будете на обед?

На физиономии Быкова вырисовывается страдальческая гримаса. Но на мой вопрос он всё же отвечает. Оказывается, обедать он собирается не один, в компании одного из утренних гостей, так что обед требуется заказать в двойном эквиваленте. А через некоторое время я спускаюсь на первый этаж, чтобы забрать прибывший с курьером заказ. Чем-чем, а скупостью мой шеф никогда не страдал, так что картонный пакет, переданный мне, выглядит весьма внушительно. Взяла бы обеими руками, но звонит сестра. С учётом, что она прекрасно знает – не стоит меня беспокоить в рабочее время по пустякам, без лишних раздумий беру трубку, обхватив увесистый пакет левой рукой, пока возвращаюсь к лифтам. И конечно, мои ожидания оправдываются в первую же секунду, стоит принять вызов.

– Её нигде нет! – без всяких приветствий вопит моя близняшка. – Я уснула всего лишь на полчаса, просыпаюсь, а её нет!

Здоровенный пакет, который я несу, и без того загораживает половину обзора на пространство холла, так что неудивительно, что я спотыкаюсь на ровном месте. Останавливаюсь, вдыхаю глубже, на мгновение порадовавшись тому, что не роняю свою ценную ношу, а потом стойко ловлю дзен, стараясь не поддаваться сестринской панике.

– То есть как это нигде нет? – интересуюсь встречно. – У соседей смотрела? Около подъезда? Во дворе? Обычно она не уходит далеко.

А ещё моя сестра ни в коем случае не должна была допускать подобной ситуации, но это можно обсудить и позже.

– Говорю же, нигде нет! Я весь этаж обошла, мамы нигде нет!

Глубоко вдыхаю снова, но пойманный дзен безнадежно ускользает. Да и как иначе? Дело в том, что у нашей мамы синдром расстройства памяти, за ней нужен особый уход, с некоторых пор она совершенно не приспособлена к самостоятельной жизни, и если где-нибудь останется одна, то последствия могут быть мега-катастрофическими.

– Ариша, я сейчас приеду и поищем вместе! – проговариваю, ускоряя шаг настолько быстро, как только получается, разворачиваясь к посту охраны, собираясь попросить доставить пакет вместо меня.

Отпроситься у начальства могу и по телефону. Дорога́ каждая секунда.

– Пока добираюсь, ты ещё раз посмотри... – не договариваю.

С громким возгласом, со всей дури врезаюсь в чьё-то каменное тело. Не падаю лишь потому, что это самое тело моментально реагирует и ловит на лету. На него же, вместе со мной, вываливается содержимое пакета, которое включает в себя подло открывшийся контейнер с американским чаудером. Густой суп с беконом – очень горячий, вот уже во второй раз за день я обжигаюсь, попутно проклиная всех тех, кто не смотрит, куда идёт.

– Ай!

– Бл*дь!

Чувство дежавю ударяет по разуму, подобно раскалённой плети. Но и это не самое жуткое.

– Да ну нахрен!

– Опять ты?!

Глава 3

Сильные руки сжимают талию, поддерживая на весу в полу-наклонной позе, суповая жижа планомерно пропитывает одежду, а золотисто-карий взор прожигает насквозь, притом с такой интенсивностью, что американский чаудер уже не кажется настолько горячим, как в первые секунды.

– Опять ты?!

Мужчина так и не отпускает, пока я в ужасе осознаю, насколько же паршивый у меня сегодня день.

– Нет, Святая дева Мария, млин. Тебе показалось! – огрызаюсь, дёрнувшись назад, и оглядываюсь по сторонам в поиске выпавшего телефона.

Гаджет нигде не видно. А чужая хватка становится лишь крепче. Более того, продолжающиеся поиски телефона бесцеремонно прерваны. Брюнет обхватывает пальцами за подбородок, поворачивает моё лицо и фиксирует в одном ему выгодном положении, вынуждая смотреть исключительно на него.

– Ну, Дюймовочка... – протягивает он угрожающе. – Ты что здесь забыла? – добавляет требовательно.

Участвовать в его допросе у меня нет не только желания, но и времени, поэтому предпринимаю новую попытку освободиться. Тоже тщетную.

– Я? – отзываюсь вынужденно. – Тебе-то какое дело? Ты сам-то здесь что делаешь? – бросаю встречно. – И может быть отпустишь уже?

Не тут-то было.

– Зачем? Чтоб ты на меня ещё что-нибудь пролила?

Обречённо вздыхаю.

Да, я виновата. Но ведь проблема не только во мне. Какого чёрта он не отпускает? Опять. Мне необходимо завершить разговор с сестрой, оставить подпорченный обед на посту охраны, а ещё лучше – заказать новый, потом отпроситься у шефа и отправиться, наконец, на поиски матери, которая запросто может попасть под машину, не заметив ту, или же просто-напросто заблудиться, а потом уснуть под первым кустом. И кто знает, когда потом мы её вообще найдём. Осенние ночи – действительно холодные.

– Я спешу, – проговариваю сквозь зубы. – Правда. Я *очень* спешу! – подчёркиваю для особо непонятливых. – Тысяча извинений и всё такое, – заверяю, надеясь, что это поможет вернуться к своей настоящей проблеме. – Я правда тебя не заметила. Снова, – каюсь спешно. – Но я не специально! – заверяю. – И мне очень нужно идти! Меня ждут!

На этом временный приступ моей вежливости, приправленный плохо скрываемой ноткой раздражения, заканчивается. А всё потому, что...

– Тебе нужно идти? – издевательски неспешно повторяет брюнет. – А мне нужна чистая футболка.

– Нужна – купи. Твоя проблема. И отпусти! – в очередной раз дёргаюсь в его своеобразных объятиях.

На этот раз мои усилия оправдываются, полу-наклонная поза становится вертикальной, а взгляду, наконец, попадается злополучный мобильник, который валяется у горшка с фикусом. К нему я и направляюсь. На удивление, мой телефон в целости и сохранности, более того – вызов не прерван. Подобрав гаджет, я слышу ворчливые причитания сестры, и не только их:

– Мама! – доносится на том конце связи, наряду со сбившимся тяжёлым дыханием Ариши, которая в настоящий момент явно куда-то бежит. – Варька, всё! Я нашла её, не отпрашивайся! Не приезжай, не надо!

Она отключается ещё до того момента, как успеваю ответить. И это, наверное, даже хорошо, потому что с даром речи в настоящий момент возникает большая проблема. Едва я выпрямляюсь и отворачиваюсь от фикуса, как в меня летит мужская футболка. Ловлю её скорее машинально, нежели осознанно, в тихом шоке рассматривая накаченный обнажённый торс, на котором прежде красовалась эта самая деталь гардероба.

– Я сказал: мне нужна чистая футболка. И это *твоя проблема*, Дюймовочка. Не моя.

И стоит такой, весь в себе и своих словах – уверенный! Даже охрана – и та тихонько фигеет от происходящего. Впрочем не только они. Прежде заполняющие временный пропуск на пункте контроля девушки банально зависают, как и я, бестолково пялясь на полураздетого самца. Посмотреть там, к слову, действительно есть на что. Как какая-нибудь долбанная девичья мечта – без единого изъяна. Он определённо посещает спортзал: все восемь кубиков стального пресса чётко прорисованы, ничего лишнего, рельеф мышц, проступающий на загорелой груди и широких плечах, так и вовсе... Стоп! Какое мне дело до его внешних данных? Пусть никуда спешить мне уже не нужно, появляются и другие проблемы, требующие срочного решения. На них и сосредотачиваюсь. Почти сразу.

– Да? – удивляюсь в ответ на сказанное им. – И с чего бы вдруг это стало моей проблемой? – перекидываю его футболку на сгиб локтя, попутно открывая приложение, через которое совсем недавно заказывала обед своему начальству.

Заказ шефа – дублирую, с пометкой «срочная доставка». Чужую одежду – нет, не возвращаю. Хотя очень хочется швырнуть её обратно, желательно прямым попаданием в кое-чью наглючую физиономию. Решаю поступить иначе. Раз уж он настолько уверен в собственных деяниях, пусть за них же сам и расплачивается.

– Потому что если это перестанет быть *твоей* проблемой, и станет *лично моей*, тогда тебе это очень дорого обойдётся, Дюймовочка, – всё так же нахально-самоуверенно сообщает брютет.

Что-то глубоко внутри меня навязчиво подсказывает: совсем не о деньгах он сейчас говорит. Но подсказки интуиции я игнорирую.

– Во-первых, если проблема не моя, а твоя, то и платить не мне – твоё заявление выглядит как минимум нелогично, – неспешно поднимаю сжатую в кулак руку в воздухе и разгибаю указательный палец так, чтобы он видел. – Во-вторых, – разгибаю средний палец, – если твоей гордыне станет легче, просто озвучь сумму и номер счёта, я перешлю тебе стоимость твоей испорченной одежды. В-третьих, заметь, – разгибаю ещё один палец, – встречных претензий я тебе не предъявляю, хотя могла бы, потому что не я одна виновата в том, что ты не смотришь, куда идёшь, так что скажи спасибо за то, что, в отличие от тебя, я такая вежливая и великодушная, – замолкаю, но ненадолго. – Ну, а в четвёртых, – разгибаю тоже четвёртый по счёту палец, – я тебе никакая не Дюймовочка, сам ты – Гулливер недоделанный!

Понятия не имею, с чего бы меня вдруг прорывает на такую многословность. Наверное, всё дело в том, что вокруг – полно свидетелей. Об их наличии вспоминаю не я одна. Тот, к кому я обращаюсь, недовольно косится на всё ещё наблюдающих за нами охранников (им только попкорна в руки не хватает, с таким азартом смотря то на меня, то на моего оппонента), после чего в пару размашистых шагов сокращает дистанцию между нами. Мне стоит больших усилий в эти секунды не сорваться с места. Уж больно вид у него угрожающий. Нависает надо мной, поджав губы, а в глазах – столько гнева, что невольно сглатываю, моментально жалея о том, что не сдержалась.

Вот что стоит промолчать?

Мне же не привыкать...

Да только поздно.

– Лучше бы ты просто снова попросила прощения, – подтверждает вслух мою последнюю мысль брютет. – А так... – недоговаривает, подозреваю, намеренно.

Зато продолжает пристально смотреть, словно собирается взглядом прожечь во мне дырку. И это жутко нервирует.

– А так... Что? – не выдерживаю затянувшейся паузы. – Снова будешь угрожать, что запихнёшь в багажник? – задираю подбородок, надо же казаться хоть немножечко выше.

На мой вопрос он не отвечает, лишь прищуривается, в демонстративном ожидании складывает руки на груди, неопределённо ухмыляясь.

– Футболка, Дюймовочка. Я жду.

Ждёт он, видите ли...

Я тоже много чего жду от этой жизни.

Но никого же не волнует.

– Футболка, значит. Ну, ладно, – на этот раз не спорю, убираю в задний карман джинс телефон, удобнее перехватываю картонный пакет с пострадавшим обедом и, выдавив из себя наимилейшую улыбочку в адрес того, кто никак не отстаёт, разворачиваюсь в сторону уборной на первом этаже.

Безусловно, ту, на чьей двери обозначено «Ж». И отстирывать пятна от чаудера я, конечно же, собираюсь на своей собственной одежде. А он... пусть там дальше стоит и ждёт. Без футболки.

Мне-то какое дело?

Тряпица от «Tom Ford» с моей лёгкой руки отправляется в первую попавшуюся мусорку неподалёку от того самого фикуса, где остаётся брюнет.

Пока иду к туалету, так и чувствую, как он продолжает прожигать меня своим негодованием. Тем прямее разворот моих плеч, увереннее осанка и чеканнее походка. Чёрт возьми, я почти ощущаю себя моделью на подиуме...

И шумно выдыхаю, сгорбившись, прислонившись спиной к закрытой на замок двери. На этом мой приступ смелости заканчивается. Нервно кусая губы, я достаю мобильник и проверяю статус своего повторного заказа обеденной доставки. Курьер уже в пути, так что у меня остаётся минут десять – пятнадцать на то, чтобы отстирать одежду и привести её в относительно божеский вид под сушилкой для рук. С пиджаком из жаккарда такой метод быстрой стирки и сушки вряд ли прокатит, а вот с тонким шифоном блузки – вполне. Отослав сообщение Лизе, удостоверяюсь, что терпение Быкова пока не на исходе, своего секретаря он ещё не ищет, быстренько скидываю с себя пиджак, уложив тот на мягкий пуфик около напольного зеркала, а затем принимаюсь за отмывание пятен на блузке, попутно набирая сестре. Та берёт трубку не сразу, лишь спустя череду долгих гудков.

– Варь, я же сказала, всё нормально, я её нашла, – тут же отчитывается Ариша. – Мы уже дома. Она в порядке. Дома закончился хлеб и она пошла в продуктовый. Вернулась даже с хлебом, – хмыкает довольно, с ноткой гордости.

Учитывая мамино состояние – действительно достижение.

– Хорошо, – улыбаюсь я вяло. – Но я не поэтому звоню. Задержусь сегодня. Приду после одиннадцати, – делаю паузу, с содроганием сердца заранее представляя всё то, что меня ждёт этим вечером. – Может быть после двенадцати, – добавляю с небольшой запинкой.

На том конце связи воцаряется тишина.

– Ариш?

– Кхм... – закашливается моя близняшка, снова молчит, а дальнейшее звучит уже с неподдельным энтузиазмом: – Ты что, себе парня нашла?!

В этот момент я осознаю, почему она молчала. Переваривала. И переварила совершенно неправильно.

– Ариш, я на работе задерживаюсь, причём тут парень?! – возмущаюсь встречно. – Ты, как никто другой знаешь, что никакого парня у меня не было, нет и быть не может! Я буду работать! Как и всегда!

Два из пяти пятен побеждены с помощью горячей воды и дезинфицирующего средства, так что моё возмущение не такое уж и категоричное. Иногда учишься радоваться мелочам.

– А-а... На работе, – уныло отзывается девушка, опять замолкает. – Что это вдруг за работа такая ночная? – оживляется снова. – И ты же помнишь, что у меня сегодня смена с восьмью?

Тяжело вздыхаю, принимаясь тереть третье пятно.

– Работа, как работа. Шеф заключает контракт с иностранцами, всё в спешке, им без разницы какое время суток. Поэтому и звоню. Ты можешь подмениться?

– Нет, только не сегодня. Сегодня у нас ревизия. Все выйдут. Даже те, кто на больничном, – с сожалением произносит Ариша.

– Паршиво, – вздыхаю тоскливо, заканчивая с третьим пятном, переходя к четвёртому. – Договорись тогда с тётей Наташей? Чтоб присмотрела, – тру сильнее, крепче прижимая плечом телефон к уху, потому что это пятно – самое большое, и просто так не сдаётся моим манипуляциям.

Наталья Тимофеевна – соседка по лестничной площадке, которая выручает нас с сестрой в подобных ситуациях. Надеюсь, и на этот раз не откажет. Иначе я банально не знаю, что делать.

– Да, как раз видела её перед тем, как зайти домой, и говорила, что мне сегодня на смену. Вроде бы она свободна, – соглашается моя близняшка. – Я тебе потом отпишусь в WhatsApp, как узнаю.

– Угу...

Обязательно добавила бы что-нибудь ещё вместо подобного скупого прощания, но последнее пятно на блузке исчезает, и я, прежде чем взяться за последнее, ненароком бросаю мимолётный взгляд на своё отражение. А оно там не только моё! Большую часть зеркала занимает загорелая гора литых мышц, наряду с самодовольно-ухмыляющейся физиономией... я уже даже не знаю, как его назвать! Как и не имею ни малейшего понятия о том, как он тут оказывается, ведь я точно помню, что поворачивала механизм затвора на дверной ручке. Как и звука открытия самой двери не слышала, хотя последнее из-за шума воды с крана и того, что я была занята беседой с сестрой... но не в этом же суть!

– Какого?.. – только и успеваю выдохнуть в неподдельном шоке, прежде чем гора литых мышц (до сих пор ничем не прикрытых!), приближается вплотную, после чего впечатывает меня собой в тумбу с умывальником.

Затылка касается чужое обжигающее дыхание. Сильные руки, сомкнутые в кулаки, упираются по обе стороны от меня о край фаянса, заключая в своеобразный капкан. Золотисто-карий взор, как и мой – направлен исключительно на наши отражения, глаза в глаза. Мой пульс моментально учащается. Сердце стучит громче. А немного погодя тихий вкрадчивый шёпот пробуждает мириады знойных мурашек по позвоночнику:

– Мне понравилось твоё приглашение, Дюймовочка.

Глава 4

Терпкий аромат мужского парфюма с отголосками имбиря проникает в лёгкие, просачивается в вены, ускоряя кровоток. По коже проносится холодок. А тепло плотно прижимающегося мужского тела лишь обостряет эти ощущения, застаёт врасплох. Я замираю, пытаюсь смириться с непривычными чувствами. Ни в коем случае нельзя им поддаваться.

– Какое ещё приглашение? – буквально заставляю себя заговорить, абстрагируясь от начинающейся войны в моей голове, резко отталкиваю и разворачиваюсь, глядя в нахальные карие глаза. – Я тебя никуда не приглашала! – бросаю категорично.

И совершенно зря я это делаю. Моя речь никого здесь не понимает. Брюнет заново прижимает меня собой к тумбе. А на этот раз я ощущаю не только силу и тяжесть его веса, но и кое-какую сугубо индивидуально-мужскую часть тела, что чувствуется всё отчётливее и отчётливее, всё сильнее упираясь мне в живот.

– Как это не приглашала? – насмешливо отзывается тем временем он. – Или скажешь, не ты меня несколько минут назад провоцировала принять вызов, гордо задрав свой симпатичный носик? – заканчивает неожиданно мягко, почти ласково.

Его взгляд плавно соскальзывает с обозначенной части моего лица ниже, к горлу. Надеюсь, он не замечает, с какой силой бьётся пульс на моей шее. Особенно в тот момент, когда внимание нахала смещается ещё ниже, к зоне декольте и узору чёрного кружева, прикрывающего мою грудь.

– Я не бросала тебе вызов, – поджимаю губы.

Что у этого психа только в голове творится?

– Неправда, Дюймовочка, – всё также на удивление мягко звучит от него, а один из кулаков, упирающихся в край раковины, разжимается, после чего он заносит руку выше в явном намерении прикоснуться, отчего я невольно вжимаюсь в тумбу сильнее, хотя это совсем не помогает возвести хотя бы на сантиметр больше дистанции между нами. – Сперва испортила мою одежду, потом унизила, потом оставила ни с чем... Ты же не думаешь, что я это просто так проглочу?

Ни о чём таком я правда не думаю. Разве что о том, что мне катастрофически не хватает кислорода. Дышать становится всё сложнее, будто весь воздух в одночасье выкачивают из помещения. Но объясняться с ним по этой части я, конечно же, не собираюсь.

– Как ты сюда вообще попал? – прищуриваюсь подозрительно, меняя тему разговора.

И вздрагиваю, когда его пальцы всё же касаются моего плеча.

– Вскрыл замок. Он у вас ненадёжный, – безразлично откликается мужчина, пока я пытаюсь уклониться от его нового прикосновения. – Миленькое.

Не сразу до меня доходит, что речь о моём нижнем белье.

– Прекрати! – требую в ответ и отклоняюсь назад, раз уж никакой другой альтернативы пока не приходит в мой разум. – Не надо. Не делай, – добавляю уже не столь уверенно.

С чего бы ему меня слушать?

– Не делать... как, Дюймовочка? – интересуется встречно брюнет. – Так? – подцепляет пальцами бретель и тянет в сторону.

Ударяю по его руке ещё до того, как осознаю всю полноту своей реакции. Он же – непонятно чем довольный, в полнейшем снисхождении улыбается на мои действия. А потом...

– Или так?

Тут я громко охаю. Ровно в тот момент, когда широкие сильные ладони крепко смыкаются на моей талии. Секунда – я приподнятая и усажена на тумбу. Ещё одна – колени разведены в стороны, и я вынуждена обнимать ногами мужской торс. Вода в кране до сих пор течёт,

отодвинусь назад – вся вымокну, грохнувшись задницей в раковину, так что альтернатива – так себе. Но и оставаться на месте – тоже последнее дело.

– Да прекрати ты! – скатываюсь в истерику, толкаю обнаглевшего и приставучего, хотя все мои попытки тщетны.

Моя реакция его лишь забавляет.

– Тише, Дюймовочка, тише, – успокаивающим баюкающим тоном шепчет он мне на ухо, надёжно фиксируя меня около себя, не позволяя отстраниться.

Обнимает, поддерживая за спину, проводит по волосам.

– Будешь громко кричать, кто-нибудь прибежит, а ты тут полураздетая, трёшься об мой стояк... Что народ подумает: чем мы тут с тобой занимаемся? – звучит уже в откровенной издёвке.

Теперь я начинаю задыхаться по-настоящему.

От возмущения!

Приходится утихомирить свою панику, глубоко вдохнуть, медленно и плавно выдохнуть, призывая дзен.

– Я тебе никакая не Дюймовочка, – отчеканиваю мрачно. – Или я должна тебе ещё раз сто повторить, чтоб ты это усвоил?

– М-мм... Ещё сто раз? То есть, ты рассчитываешь, что эта наша с тобой встреча – не последняя? – интерпретирует на свой лад брюнет.

Дебилизм процветает, короче!

Однако я до сих пор стойко стараюсь не поддаваться.

– Не Дюймовочка. Варя. Варвара. Конкретно для тебя – Варвара Андреевна. Демидова.

Через мгновение я начинаю сожалеть о том, что выдаю ему своё настоящее имя. Впрочем, не всё так плохо.

– Глеб. Филатов, – любезным тоном представляется в ответ мужчина. – Обойдёмся без отчества, – дополняет с новой улыбкой.

И тут происходит нечто странное. Потому что я улыбаюсь ему в ответ. Да и вообще, вся моя нервозность куда-то испаряется. Просто потому, что невозможно не улыбаться. Слишком заразительная, беззаботная и открытая у него улыбка. Остаётся лишь странное тепло, исходящее от сильного мужского тела, впитывающееся под кожу, просачивающееся в вены, оседающее где-то настолько глубоко внутри, что так сразу и не определишь...

Имя, вернее фамилия, кажется знакомой, но я списываю это на то, что она весьма распространённая. Хоть улыбаться, как последняя дурочка, быстренько перестаю, и то спасибо.

– Что ж, Глеб Филатов, сказала бы, будто приятно познакомиться, но не имею привычки врать, так что сам понимаешь... – развожу руками. – Отваливай по-хорошему! Иначе правда буду кричать! И плевать я хотела, кто и что потом о нас подумает! – предпринимаю новую попытку его оттолкнуть от себя.

Что стараться гору свернуть. Бесполезно.

– Не отвалою, – тоже перестаёт улыбаться брюнет, цепляя гримасу полнейшей серьёзности. – Разве что после того, как обзаведусь чистой футболкой, – заявляет в ультимативной форме.

Устало вздыхаю. И только сейчас обращаю внимание на некогда белую тряпицу от «Tom Ford», которая непонятно с каких пор уложена поверх моего пиджака.

– Ты достал её из мусорки? – усмехаюсь, выгнув бровь.

Риторический вопрос, не требующий ответа. Филатов и не отвечает.

– А ты постираешь. Смотрю, ты в этом деле мастер, – заглядывает мне за спину, туда, где остаётся моя недостиранная блузка.

Вздыхаю снова. Вспоминаю про шефа и то, что моё время на исходе, не до пустых препираний. В этот момент приходит оповещение: в течении десяти минут прибудет курьер с обещанной доставкой. Вот и...

– Постираю, если отойдёшь и перестанешь ко мне прижиматься, – сдаюсь, но ставлю условие. – Мне так неудобно, – добавляю в качестве аргумента.

– Ага, отойду, и ты сбежишь. Нет уж, Варенька, – приторно ласково отзывается брюнет. – Моя футболка. Я жду, – отстраняется, но только слегка, чтобы у меня появилась возможность обернуться к воде.

Стиснув зубы, с большим усилием гашу в себе желание послать оппонента ко всем чертям. И да, тянусь к его футболке.

Чтоб ему пусто было!

Поскольку уговор – стирка, сушка в него не входит, без малейшего зазрения совести полностью замачиваю белый хлопок под горячим потоком, после чего с самым преспокойным видом достирываю последнее пятно на своей блузке, пусть на самом деле всё внутри меня кипит от негодования. Так больше не единого слова и не произношу, но мысленно разрываю дизайнерскую футболку на мелкие клочки, пока тру ткань между зажатыми пальцами. И с особым маниакальным рвением тщательно выжимаю её, представляя на месте вещицы кое-чью дурную шею, которую могла бы свернуть... а похвала за содеянное лишь добавляет масла в сжигающий моё нутро огонь негодования.

– Умница, – довольно сообщает Филатов. – Спасибо.

Я сижу на тумбе полубоком, тихо ненавижу его и злюсь на то, что вынуждена поддаваться. Он же... Он опять обнимает, прижимается ко мне плотнее. Помогает выжимать футболку. Едва его ладони накрывают мои – повторно вздрагиваю, затихаю, позволяю ему завершить задуманное. Смысл сопротивляться? Даже пальцы – и те раза в два крупнее, мощнее моих. Различаю каждую проступившую от напряжения на его руках вену и мышцу. Курьер прибудет совсем скоро, мне необходимо досушить блузку, одеться, убраться отсюда поскорее. Я помню об этом, да. Только не помню, по какой причине зависаю, заметив в отражении зеркала пристальный золотисто-карий взор, пока сушилка для рук обдувает горячим воздухом влажный шифон. Весь мир словно ставят на паузу. Забываю обо всём. Просто смотрю. Не в силах отвернуться. Да и что уж там, нет ни малейшей мысли об этом. И так хорошо. До поры до времени.

– У тебя реально нет парня? – всё портит брюнет, обозначив подслушанный телефонный разговор с моей близняшкой. – Почему?

Футболка тоже отправляется под сушилку.

– Какое тебе дело? – хмурюсь в ответ.

Хмурюсь ещё сильнее, потому что он молчит, подозрительно загадочно ухмыляется каким-то своим мыслям. И лучше бы он вовсе не заговаривал, потому что...

– Недавно рассталась с кем-то? Безответная любовь? Спишь с боссом? – выдаёт он немного погодя, перечисляя различные варианты.

Один другого хуже.

– Или всё сразу. Или я просто синий чулок. Такой вариант тебе в голову не приходил? – ехидничаю встречно. – Тебе-то что?

Ухмылка на его губах становится лишь шире.

– Похоже, ни за что не угадаешь, – пожимает плечами.

– Делать мне больше нечего, как гадать, что творится в твоих мозгах, – опять огрызаюсь, отворачиваюсь.

Потому и пропускаю тот момент, когда он вновь решает подхватить за талию. На этот раз, чтобы спустить меня с тумбы, поставить на ноги.

– Ты – кто угодно, но точно не синий чулок, Дюймовочка, – шепчет едва слышно, почти касаясь губами моего виска.

Слишком близко.
Слишком интимно.
Всего – слишком.

Потому и дёргаюсь в сторону, хватаясь за блузку. Ткань ещё толком не высохла, но я игнорирую это небольшое неудобство. Спешно накидываю шифон на свои плечи, торопливо застёгиваю пуговички. На мужчину больше не смотрю. Просто дышу, концентрируюсь на этом простом действии. И очень стараюсь не думать, насколько же тесно нам двоим на двенадцати квадратах, ведь я опять испытываю недостаток кислорода. Особенно остро – в тот момент, когда Глеб решает, что с меня достаточно, и покидает туалетную комнату, оставляя дверь открытой. Футболку забирает с собой. Так и не надевает. Просто уходит, с самым невозмутимым видом не замечая собравшуюся в коридоре толпу зевак, провожающих его жадно горящими любопытством взглядами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.